

Культурное наследие в исторической оценке

Научная статья

УДК 78.071.1

DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.008-021

Зеркала памяти: Людмила Шестакова и Михаил Глинка. Статья первая

Светлана Константиновна Лащенко^{1,2}

¹Государственный институт искусствознания, г. Москва, Россия,
vreikh@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4919-4494>

²Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена мемуарному наследию Людмилы Ивановны Шестаковой (1816–1906), одной из младших сестёр Михаила Ивановича Глинки. Рассматривается соотношение её воспоминаний о характере и деятельности брата в поздний период его жизни с его самооценкой и теми формами самопрезентации, какие он определил для себя как наиболее эффективные. Исследуются описанные Шестаковой особенности глинкинского психотипа и их связь с феноменом «обломовщины». Предпринимается попытка найти и обосновать побудительные причины формирования той этической позиции, какую заняла сестра по отношению к брату. Предполагается, что её истоки коренились в трагических обстоятельствах личной судьбы Шестаковой, силу воздействия которых она не сумела преодолеть даже годы спустя. Доказывается: воспоминания Шестаковой, представленные в статье, — результат субъективного взгляда сестры на особенности жизни и творчества Глинки последних лет, зачастую представлявшие его в «кривом зеркале», но тем не менее в силу статусности автора серьёзно повлиявшие на отечественную глинкиниану XIX–XX веков.

Ключевые слова: Людмила Шестакова, Михаил Глинка, история русской музыки, биография Глинки, отечественная глинкиниана

Для цитирования: Лащенко С. К. Зеркала памяти: Людмила Шестакова и Михаил Глинка. Статья первая // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 4. С. 8–21.
DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.008-021

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-0139; <https://rscf.ru/project/23-28-01839>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Cultural Heritage in Historical Perspective

Original article

Mirrors of Memory: Liudmila Shestakova and Mikhail Glinka. *First Article*

Svetlana K. Lashchenko^{1,2}

¹State Institute for Art Studies, Moscow, Russia,
vreikh@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4919-4494>

²Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky,
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the memorial heritage of Liudmila Ivanovna Shestakova (1816–1906), one of Mikhail Ivanovich Glinka’s younger sisters. The correlation of its remembrances of her brother’s character and activities in the late period of his life with his self-evaluation and those forms of self-presentation which he determined for himself as the most effective. The peculiarities of Glinka’s psychological type and their connection with the phenomenon of “the Oblomov syndrome” are analyzed. The attempt is made of finding and substantiating the impelling reasons for the formation of that ethical position the sister took in regards to her brother. It is assumed that its sources were grounded in the tragic circumstances of Shestakova’s personal fate the force of the impact of which she was able to overcome even many years afterwards. It is proved that Shestakova’s memoirs presented in the article are the result of the sister’s subjective view of the particular features of Glinka’s life and creativity during his final years, frequently presenting him in a “false mirror,” but, nonetheless, in light of the composer’s status which have seriously impacted Glinka studies in Russia during the 19th and the 20th centuries.

Keywords: Liudmila Shestakova, Mikhail Glinka, history of Russian music, Glinka’s biography, Glinka studies in Russia

For citation: Lashchenko S. K. Mirrors of Memory: Liudmila Shestakova and Mikhail Glinka. First Article. *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*. 2023. No. 4, pp. 8–21. (In Russ.) DOI: 10.56620/2782-3598.2023.4.008-021

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01839, <https://rscf.ru/project/23-28-01839>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Знавшие Людмилу Ивановну Шестакову неизменно упоминали о её участии в жизни композитора, энтузиазме в распространении его сочинений. Войдя в мир деятелей русской культуры, она из «домоправительницы»,

«нянюшки», домашнего «министра финансов» брата стала после его кончины, как писал Владимир Васильевич Стасов, «...великодушной, непоколебимой, никогда не покидавшей своей чудной цели, могучей русской женщиной»¹. Этими

¹ Стасов В. В. Памяти Людмилы Ивановны Шестаковой // Стасов В. В. Статьи о музыке. В 5 вып. Вып. 5-А: 1894–1906. М.: Музыка. 1980. С. 364.

словами критик задал своеобразную точку отсчёта в формировании исторической репутации Шестаковой, положив, по сути, начало созданию образа человека-легенды, смыслом существования которого стало искреннее служение своему великому брату и памяти о нём. В подобном контексте имя глинкинской сестры упоминает и большинство современных исследователей [1; 2; 3; 4].

После смерти Глинки Шестакова делала всё от неё зависящее, чтобы поддерживать в русском обществе память о брате. Усердно искала финансовую возможность издания его сочинений, отважно вступала в судебные тяжбы ради получения права публиковать глинкинские опусы и популяризировать их, передавала автографы композитора в надёжные места хранения, ходатайствовала об исполнении сочинений брата лучшими музыкантами России и Европы, отдавала собственные средства на сооружение памятника Глинке (продав родовое имение), создала и смогла некоторое время содержать Музей Глинки при Санкт-Петербургской консерватории...

Шестакова пережила брата почти на 50 лет. По стечению обстоятельств её отпевали в той самой церкви св. Духа Александро-Невской лавры, где когда-то отпевали Глинку. И в этом был некий знак. Именно Шестакова добилась в своё время того, чтобы прах брата был перевезён из Берлина в Санкт-Петербург, отпет православными служителями и погребён в родной земле. Могла ли она в ту пору предполагать, что заупокойную службу по ней полвека спустя будут исправлять в той же самой церкви, а прах её будет покоиться на том же кладбище Лавры рядом с могилой брата, навсегда соединив двух представителей когда-то большой семьи?..

Как ближайшая кровная родственница, прожившая в целом не один год бок о бок с композитором, Шестакова воспринималась не только полноправным хранителем и пропагандистом наследия Глинки, но и безусловным авторитетом в знании подробностей его жизни, понимании его характера. Подобное отношение сложилось в том числе благодаря оставленному ею мемуарному наследию.

Большинство опусов мемуарного жанра, и мемуары Шестаковой — не исключение, априори предполагают значительную долю субъективности в описании событий прошлого и их участников. Критерии научной достоверности и фактологической точности к ним не применимы, хотя несообразности и исторические ошибки всегда «цепляют» внимание читателя. Но при этом следует помнить: относясь субъективно к минувшему, автор не просто «корректирует» историческую реальность, а конструирует из неё свой мир прошлого, в описании которого расставляет свои акценты сообразно собственным взглядам, пристрастиям, решаемым задачам. Так делала и Шестакова.

Вопросов, возникающих в ходе изучения её мемуарных материалов, немало. Что и почему Шестакова выделила в облике Глинки, а что оказалось в её воспоминаниях — случайно ли, сознательно ли — стёрто или искажено? Как созданный ею образ брата соотносился с действительными особенностями жизни и характера композитора? Иными словами, как презентация Глинки Шестаковой соотносилась с его самопрезентацией и самосознанием? Вопросы эти до сих пор не ставились учёными. Ограниченные объёмы публикации не позволяют в полной мере осветить проблему, поэтому внимание здесь

сосредоточено лишь на первой мемуарной статье Шестаковой «Последние годы жизни и кончина Михаила Ивановича Глинки, воспоминания сестры его, Л. И. Шестаковой. 1854–1857 гг.». Как представляется, она весьма показательна для ответов на поставленные вопросы.

В первые же месяцы после кончины Глинки в прессе, письмах, различного рода сочинениях стали появляться статьи, записи, упоминания о композиторе и личных встречах с ним. Публикация воспоминаний Шестаковой была, таким образом, одной из многих в ряду подобного рода текстов. Но её авторство, время появления (лишь через 13 лет после смерти музыканта²), равно как и выбранная тема (сосредоточенность только на последних годах жизни Глинки), выделяли её на фоне уже известных воспоминаний, заставляя предполагать существование определённых причин для столь запоздалого «мемуарного дебюта».

Как известно, опубликованная в журнале «Русская старина» (1870, т. II, с. 610–632) работа Шестаковой была мотивирована желанием восполнить «пробел» между годом окончания повествования в издаваемых в этом же журнале «Записках М. И. Глинки» (1854) и уходом из жизни композитора (1857). Свои намерения Шестакова объясняла так: «Брат окончил свои Записки 1854 г. приездом своим в Царское, а умер он в 1857. Я хочу, насколько память моя и письма брата позволяют, пополнить этот пробел, и сооб-

щить о нём всё, что я знаю, не только как о композиторе, но и как о человеке»³.

Сходная мотивировка лежала и в основе побуждения редакторов журнала, толковавших публикацию Шестаковой как текст, «заканчивающий биографию М. И. Глинки».

Финал «Записок...» действительно оставлял ощущение незавершённости, возросшее из-за скоростижной кончины композитора на чужбине, породившей, как и всегда бывает в подобных случаях, множество домыслов. Объяснений происшедшему выдвигалось много, но суть от этого не менялась: текст вызывал ощущение отсутствия «логического конца».

Однако присовокупление статьи Шестаковой в качестве «окончания» «Записок...» было более чем спорно. Во-первых, она никак не восполняла «пробел» в глинкинском повествовании уже потому, что непосредственное общение сестры с братом прекратилось в 1855 году, то есть за несколько лет до его смерти. Во-вторых, сама идея продолжения и завершения «Записок...» была неоправданной. Глинка категорически возражал против этого, и Шестакова знала об этом: «Я просила продолжать “Записки” <...>. Он [Глинка. — С. Л.] мне ответил, что записок продолжать не будет, потому что нечего писать, что, писавши аккуратно раз в неделю, он мне сообщает всё, что случилось с ним»⁴.

С чем же были связаны очевидные вольности отношения Шестаковой

² В публикации отмечалась дата окончания работы Шестаковой над статьёй: 13 сентября 1870 года.

³ Глинка в воспоминаниях современников / общ. ред., сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. А. А. Орловой. М.: Музгиз, 1955. С. 296.

⁴ Там же. С. 304.

к авторскому завету? Ответ может быть только один: она полагала, что у неё есть на это право не только как у ближайшей родственницы композитора, но и как у соучастницы процесса вызревания и исполнения замысла «Записок...».

С очерка В. Стасова «Михаил Иванович Глинка» утвердилось мнение, что свой литературный опус Глинка начал писать 3 июня 1854 года, возвратившись из очередной европейской поездки и обосновавшись на некоторое время в Царском Селе. Утверждение это подтверждено собственноручной глинкинской датировкой. Однако Стасов в той же статье упоминал, что истоки появления идеи восходили ещё к 1852 году, когда Шестакова послала брату выписку из начатых им воспоминаний об инспекторе Благородного пансиона И. Колмакове. Близкие Глинки ждали продолжения, увлечённые юмором и сердечной теплотой авторского стиля. Но тогда обстоятельства этому не благоприятствовали, хотя Глинка хлопоты Шестаковой оценил.

К сожалению, более об этом факте не говорилось. Представление о появлении у Глинки замысла мемуарного сочинения стало выглядеть спонтанным решением, возникшим под влиянием момента. Но если учесть дополнительные сведения, есть основания говорить о том, что идея зародилась в сознании композитора «с подачи Шестаковой» и имела достаточно длительный срок «вызревания».

В 1854 году, встретившись с братом в Царском Селе, Шестакова вернулась к этой теме. О роли сестры в подталкивании его к созданию мемуарного опуса Глинка не раз упоминал в переписке

с друзьями. Информация стала широко известной, соответствующим образом повлияв как на отношение читателей к роли Шестаковой в появлении глинкинского литературного опуса, так и на её собственное понимание степени своей причастности к сочинению.

Подтверждением вовлечённости Шестаковой в процесс работы Глинки над «Записками...» может служить и изображённая ею в мемуарной статье картина своеобразного семейного ритуала: «Обыкновенно день его [Глинки. — С. Л.] был расположен следующим образом: вставал он довольно рано и списывал мелким шрифтом целый лист своих Записок; часов в 10 приходил к чаю... и прочитывал мне написанное им в то утро; поговоря немного, мы уходили на балкон. Иногда он писал что-нибудь..., а чаще читал один или я ему читала громко»⁵.

Давала ли Шестакова советы, слушая прочитанное? Поддерживала ли, критиковала ли, уточняла ли факты, рекомендовала ли о чём-то умолчать? Ответов на эти вопросы нет. О своей реакции Шестакова нигде не упоминала, что, если исходить из её желания зафиксировать причастность к работе Глинки, достаточно странно. Ещё более странен факт отсутствия каких бы то ни было упоминаний о другом, существенно более важном обстоятельстве.

Как известно, «Записки...» сохранились в двух экземплярах: один представлен автографом; другой, — текстом, переписанным Шестаковой и включающим, в случае возникавших вопросов, её собственные пометы, которые, как

⁵ Там же. С. 296.

правило, Глинка комментировал. Именно переписанный Шестаковой текст Глинка взял с собой в Берлин. Почему об этом Шестакова умолчала — непонятно. Зато другая причина её «забывчивости» в реконструкции истории создания «Записок...», пожалуй, объяснима.

Письма Глинки свидетельствуют: в работе над «Записками...» непосредственное участие принимал младший брат В. Стасова, Дмитрий, составивший план будущего литературного труда, очень пригодившийся композитору. Но Шестакова в статье об этом ничего не написала, хотя не прошла мимо факта многочисленных посещений Д. Стасовым их царско-сельского дома.

Причины тому понятны: отношения Шестаковой и Стасова-младшего во время приезда Глинки в Царское Село и его работы над «Записками...» в известной мере отразили отнюдь не только духовную близость 38-летней Людмилы Ивановны и 26-летнего Дмитрия Васильевича. Несмотря на всю щекотливость темы, её стоит рассмотреть, поскольку она, как представляется, может кое-что прояснить о причинах «забывчивости» Шестаковой всех обстоятельств касательно истории создания «Записок...».

Как известно, с мужем Шестакова была несчастна так же, как и её брат со своей супругой, что давало ей основание видеть в том ещё одно подтверждение сходства их судеб. Впрочем, в отличие от брата, союз с Василием Илларионовичем Шестаковым Людмила Ивановна окончательно не разрывала, отношения с ним и его родственниками поддерживала и нередко принимала их в своём доме.

Дмитрием Стасовым⁶ Шестакова увлеклась в начале 1850-х годов, и рождение дочери стало венцом этой увлечённости⁷. В. Шестаков признал ребёнка и записал себя его отцом, дав девочке свои отчество и фамилию. Как могли бы развиваться дальнейшие отношения супругов в этой непростой ситуации, трудно себе представить: в 1855 (1857?) году В. Шестаков скончался, и продолжения семейной истории так и не случилось.

Дочку Шестакова любила безмерно. Любил девочку и Глинка, о чём Шестакова неоднократно упоминала, быть может, неосознанно свидетельствуя тем самым, насколько это для неё важно.

В 1861 году, уже после кончины Глинки, ситуация изменилась. Сохранилось письмо В. Стасова, заставляющее по-новому взглянуть на характер

⁶ Молодой Д. Стасов пользовался несомненным успехом у женщин. Иначе как «Идолем» его в письмах не называли, «...подтрунивая над тем, что в него одновременно были влюблены 4 знакомых дамы, возбуждая этим некоторую зависть и ревность». См.: Лёгкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов // Либмонстр. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/Дмитрий-Васильевич-Стасов> (дата обращения: 15.10.2023).

⁷ Н. Финдейзен в Дневнике записывал: «2 января (21 декабря) 1896. Стасов сообщил, что Л[юдмила] И[вановна] жила с его братом Дмитрием <...>, от которого она и родила дочь Ольгу, умершую от дифтерита». См.: Дневники и воспоминания. URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221896-01-01%22&diaries=%5B913%5D> (дата обращения: 15.10.2023). И далее, через три недели, Финдейзен добавлял уже от себя: «22 января / 10 января 1896. От Л. И. Шестаковой получил медаль, вылитую в память постановки памятника Глинке в Смоленске. Смотрел на портрет (масл[яными] красками) покойной её дочери: поразительное сходство с Д[митрием] С[тасовым]». См.: там же.

Шестаковой — как оказалось, темпераментный, взрывной, не знающий «уко-рота»⁸:

С. П. Б. 24 июня 1861 г.⁹

Митя женится. <...>

<...> вы, конечно, спросите, как и все: ну, а что Людмила? — Людмила в самое первое время извергала молнию и гром, такие перуны, что не рассказать. Я было принялся её уговаривать и утешать честным порядком, но потом увидел скоро, что тут ничего не сделаешь и этому конца не будет. Тут я и был принужден приняться за крепкие лекарства: я ей сказал, Людм. Ив., мы уже с вами не маленькие, нельзя же нам до 100 лет представлять из себя влюблённых мальчиков и девочек. Всему есть своё время и пора. Что с вами прежде было, то и слава богу. Но нечего больше о том думать, и теперь вы должны только как можно скорей сбросить с себя смешную роль Донны Эльвиры, и проч., и проч. Это более подействовало; она теперь значительно успокоилась, но в сущ-

ности она продолжает думать, что Митя делает что-то преступное, женясь; что на это не имел права и т. д. И потому она продолжает ещё говорить, что бог их накажет, и «чорт бы взял Кузнецову [невесту Д. В. Стасова. — С. Л.]» и «скоро ли она околеет, эта чертовка» и проч. Иной раз ещё хуже. — Вот вам полное описание всей истории как она есть.

Нет ничего удивительного в том, что после скандалов, учинявшихся Шестаковой, её безобразного поведения с Д. Стасовым и его невестой¹⁰ глинкинская сестра вызывала в те годы у В. Стасова далеко не лучшие чувства, что сказывалось и на их деловых отношениях. Так, вникнув в детали контрактов, заключавшихся Шестаковой с Ф. Стелловским по поводу посмертной публикации сочинений Глинки, проанализировав ту работу, которую выполнила Шестакова, готовя издания произведений брата, В. Стасов писал М. Балакиреву:

⁸ Видимо это были органические свойства психики Шестаковой. Сразу после смерти Глинки, во времена, когда отношения с Д. Стасовым оставались вполне дружескими, Шестакова ревностно отнеслась к присутствию в кругу её друзей певицы-любительницы Александры Ивановны Гире (Гире), урожд. Буниной (1826–1867), скандала по этому поводу. Об этом упоминал В. Стасов в письме к М. Балакиреву от 11 августа 1858 года. См.: Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым / предисл. и коммент. В. Каренина, вступ. ст. Г. Киселёва. М.: ОГИЗ: МУЗГИЗ, 1935. URL: http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1869_perepiska_s_balakirevym.shtml (дата обращения: 15.10.2023). Между тем А. Гире прекрасно исполняла романсы Глинки, была замечательной собеседницей. Знакомство с ней поддерживал не только сам Глинка, но и Даргомыжский, Балакирев, А. Рубинштейн, Д. Стасов. Гире состояла в переписке с И. Тургеневым. Возможно, отношение Шестаковой к Гире было «спровоцировано» несомненным интересом к ней Д. Стасова.

⁹ «...Как уточнили публикаторы, на штемпеле же стоит: “Н. Н[овгород] 26 июля 1861 г.”». Цит. по: Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым...

¹⁰ Прошло время, и у Шестаковой установились вполне доброжелательные отношения с супругой Д. Стасова, П. Стасовой (в девичестве Кузнецовой). Ей Шестакова подарила публикацию мемуаров «Мои вечера». См. об этом: Деверилина Н. В. «Мои вечера» Л. И. Шестаковой. К истории создания. URL: <https://nasledie.admin-smolensk.ru/personalii/glinka-mihail-ivanovich/novospasskij-sbornik-vypusketvertij/n-v-deverilina-quot-moi-vechera-quot-l-i-shestakovoj-k-istorii-sozdaniya/> (дата обращения: 15.10.2023).

Библиотека. Среда 1861 г. (14 сентября) Охота Вам верить, Милий, глупым дурам, особливо такой бестолковой, как Людмила. Вот, на-те Вам доказательства их (или её) вранья и Вашего легковерия. Извольте, возьмите в руки прилагаемый контракт Людмилы со Стелловским. Какой тут к чёрту список!! Названо несколько вещей глинкинских — неужто это «список»? Никогда этой рваной бумаги не забывал, но никогда и не воображал, что именно под нею я и обязан разуместь «список» Глинки. Чёрт бы взял всех дур, особливо бестолковых¹¹.

Прошло ещё два года, и Шестаковой довелось пережить самую тяжёлую из возможных потерь — смерть дочери¹².

После этого В. Стасов вспоминал:

...у Людмилы Ивановны был первый удар, и она долго не владела правою стороною, но, благодаря советам С. П. Боткина, электричество и гимнастика ей помогли, хотя слабость парализованной ноги даёт себя чувствовать и до сих пор¹³.

Шестакова на долгое время отгородилась от общества. Спустя какое-то время

она поручила бонне дочери, Матильде, написать воспоминания «Последние дни Олечки» с её слов и от её имени¹⁴. Вновь и вновь переживая утрату, Шестакова бередила свою рану, описывая характер девочки, её способности, особенности поведения и страшные дни кончины и отпевания любимого ребёнка.

Точное время появления воспоминаний матери о дочери определить сложно. Специалисты относят их к 1890-м годам¹⁵, что лишний раз свидетельствует о незаживающей психологической ране, полученной Шестаковой за несколько десятилетий до их написания.

В последующие годы Шестакова часто бывала в плохом состоянии. Н. Финдейзен в Дневнике упоминал бытующие в обществе слухи о склонности «милой Людмилы Ивановны» к горячительным напиткам, о некоей «эротомании», побуждавшей её совершать достаточно странные поступки, о развившемся тяготении «к совершенно замкнутой жизни», не исключавшей, впрочем, неуместной потребности «наряжаться и прихорашиваться»¹⁶.

¹¹ Комментаторы отмечали, что при всей резкости тона письма В. Стасова по поводу «списка сочинений Глинки», следует признать, что он был прав, говоря, что не мог признать этого небольшого перечня за полный списокopus'ов Глинки. См.: Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым...

¹² Есть невнятные упоминания о том, что у Шестаковой в браке родилось двое сыновей, умерших в малолетстве. О них ни она, ни ближайшие родственники нигде не вспоминали. См. об этом: Деверилина Н. В. «Мои вечера» Л. И. Шестаковой...

¹³ Стасов В. В. Статьи о музыке. М., 1930. С. 109.

¹⁴ Перепёлкина З. М. Л. И. Шестакова — сестра, друг и хранительница наследия М. И. Глинки. URL: <https://nasledie.admin-smolensk.ru/personalii/glinka-mihail-ivanovich/novospasskij-sbornik-vypusk-vtoroj/3-m-perepelkina-l-i-shestakova-sestra-drug-i-hranitel'nica-naslediya-m-i-glinki/> (дата обращения: 15.10.2023); Перепёлкина З. М. Дать другому счастье — какое глубокое блаженство. URL: <https://zn-smol.ru/?module=articles&action=view&id=3586> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁵ См.: Последние дни Олечки, воспоминания [1890]. Рукопись неустановленного лица с припиской Л. И. Шестаковой. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Архив Н. Ф. Финдейзена. Ф. В. 16. Оп. 3. Ед. хр. 2807. 10 л.

¹⁶ Финдейзен Н. Ф. Дневники. Т. 5: 1920–1924 / расшифр. рук., исслед., коммент., подг. к публ. М. Л. Космовской. СПб., 2021. С. 257.

Ко времени написания своей первой мемуарной статьи о Глинке Шестакова превратилась в рано состарившуюся, большую женщину, живущую с грузом мыслей о предательстве и невосполнимых потерях, в человека с несомненными психологическими проблемами и попытками (чаще всего безуспешными) их самостоятельного разрешения. Это следует постоянно иметь в виду, обращаясь к тексту созданной ею статьи, которая стала для неё одним из способов справиться с самой собой и смириться с действительностью.

Видимо, учитывая состояние и положение Шестаковой, Дмитрий Стасов и через несколько лет после своей женитьбы продолжил общаться с Людмилой Ивановной¹⁷. Но, судя по всему, оставался для самой Шестаковой «нерукопожатным». В статье, касаясь истории создания «Записок...», она сознательно умолчала о его участии, «замкнув» всё на себя. Возможно, это была её маленькая женская месть.

Значительное место в статье занимают личные воспоминания Шестаковой о брате. Глинка последних лет жизни запомнился ей стремительно стареющим человеком, капризным и почти беспомощным в решении забот повседневности.

Здесь Шестакова была психологически точна. Современники и приятели Глинки неоднократно отмечали, что он стал ленив, медлителен, не любил даже самостоятельно одеваться, предпочитая

прибегать к помощи слуги. Шестакова тоже не прошла мимо темы «барствующего брата». Подчёркивая дополнительные подробности этой его особенности, она ещё более стужала черты рисуемого ею портрета, замечая, что брат «не любил выезжать» из Царского Села, а если и выезжал — то «очень мало»; был рассеян, любил «валяться для отдыха», «не любил никаких дел и хозяйственных дрязг», «не меньше вести дела было сильно развито в нём»; «по его летам беспокойная жизнь путешественника была [ему уже] не под силу»¹⁸.

Возможно, в какой-то мере так оно и было. Показателен рассказ Шестаковой о том, как Глинка, поехав без неё к Дубельту, возмущённый фактом издания переложения баркареры «Уснули голубые...» под его именем, но без участия его самого, попросту потерял заветный нотный свёрток и, вернувшись с пустыми руками домой, отказался от попытки восстановить справедливость.

Умиление, снисходительность, сестринская «жалостливость» проглядывали в таком описании Глинки, действительно хранившем до последних лет жизни барские привычки детства, верность которым с годами лишь усугубилась. «Для него уход был необходим; он так привык к этому с самого детства, что уже это превратилось у него не в привычку, но в необходимость», — подчёркивала Шестакова¹⁹.

Но далеко не всем участие Шестаковой в жизни Глинки виделось однозначно

¹⁷ Д. Стасов выступил поверенным Шестаковой при разбирательстве её дела в тяжбе со Ф. Стелловским (1867), выиграв его; продолжал участвовать в судебных делах Шестаковой и позднее, курируя судебные иски Шестаковой к Стелловскому.

¹⁸ Глинка в воспоминаниях современников... С. 296–298.

¹⁹ Там же. С. 301.

позитивным. «Женская заботливая рука сестры отнеслась к приезжему [Глинке. — С. Л.] как к больному, устранила разлом и навсегда стакан красного вина, заменив его сельтерскою водою, а ключом — ночные вдохновения у рояля», — писал П. Ковалевский²⁰. Он же вспоминал, что Глинка, живя с Шестаковой, «состоял под [её] началом», зависел от решений сестры, которая даже «укладывала его теперь спать рано»²¹.

Многое из вспомнившегося Ковалевскому было, судя по всему, не лишено оснований. Шестакова порой донельзя сжимала вокруг Глинки «кольцо любви», причём делала это на удивление психологически грамотно. Пожалуй, она сама не всегда до конца сознавала, насколько виртуозно ей удавалось манипулировать братом:

...пришла фантазия брату заделать дверь гостиной в залу: «...для того, говорил он, чтобы иметь особую квартиру, и чтобы иметь возможность принимать разных лиц, которых при общей квартире неудобно было принимать». Я не противилась, зная хорошо, что при настойчивом характере брата это ни к чему не приведёт, и он тем более сделает по-своему. Вообще нужно было уступить ему и предоставить самому со временем обдумать и разобрать дело <...> Так случилось и теперь: хотя я вполне сознавала, что это нелепость, но, зная его, уверена была, что это ненадолго; дверь забили, оклеили шпалерами с его стороны, и не осталось следа двери; в первые дни брат был доволен, потом

начал находить неудобства, и кончилось тем, что чрез две недели пришлось опять отдирать шпалеры и отколачивать дверь, и опять всё пошло по-старому²².

Глинка и сам нередко ощущал свою зависимость от заботы и любви Шестаковой, нередко делал усилия, чтобы вырваться из-под опеки сестры, и эпизод с попыткой устройства для себя личного пространства — не единственный тому пример.

Но в сознании впечатлительной сестры спонтанное «бунтарство» брата оставалось незначимым. Гораздо больше её тревожили привычные приметы жизни и поведения брата, обретавшие теперь катастрофические масштабы, складываясь в предвестия надвигающейся беды и вызывая страх и боль.

Встретившись с Глинкой в 1854 году, Шестакова и увидела его нездоровую полноту, и почувствовала изменения характера, и обратила внимание на фиксировавшиеся им самим в общении с близкими усталость и равнодушие. Видя перемены, она успокаивала себя тем, что относила бóльшую их часть к давним особенностям глинкинского поведения: «...что в нём было развито до невероятных размеров, это мнительность, — он так боялся смерти, что до смешного ограждал себя от всяких малостей, которые, по его мнению, могли влиять на его здоровье. Он был иногда нездоров, как и все бывают, но он себя считал всегда больным и даже часто близким к смерти...»²³. Быть

²⁰ Ковалевский П. М. Встречи на жизненном пути. Михаил Иванович Глинка // Исторический вестник. 1888. Т. 31. Январь–март. С. 570.

²¹ Там же.

²² Глинка в воспоминаниях современников... С. 302.

²³ Там же. С. 300.

может, именно поэтому Глинка всегда избегал любых разговоров о смерти. Даже когда из жизни уходили его ближайшие друзья, он старался никогда не упоминать об их кончине [5]. А узнав о смерти матери, он впал в глубочайшую депрессию, существенно повлиявшую на его здоровье.

Но боль от очевидных изменений рвала Шестаковой душу. Память об этой боли осталась у неё на годы, усугублённая её собственным состоянием и постоянно всплывающими мыслями о внезапной кончине брата и своей «вины» в том.

Своей почти «интимной доверительностью» в описании брата в последние годы его жизни Шестакова оказала весьма неоднозначную услугу его репутации, в существенной мере снижая пиетет высокого отношения к композитору, закладывая «бикфордский шнур» под интерпретацию образа Глинки потомками. Ведомая сестринскими чувствами и памятью о патриархальных традициях семьи Глинок, Шестакова была столь убедительна в обнаружении своего знания о нюансах характера брата, что написанное постепенно обретало в глазах большинства его почитателей статус бесспорного объективного свидетельства. Не отдавая себе отчёта, Шестакова в статье создавала весомые предпосылки для толкования индивидуальности Глинки с позиций типичного для того времени образа Обломов и «обломовщины» как культурного явления. Подхваченное современниками и поддержанное потомками подобное видение вплоть до середины XX столетия давало о себе знать, толкуемое, в зави-

симости от идеологических задач, часто в весьма неблагоприятном для Глинки свете²⁴.

Личные воспоминания Шестаковой о характере и привычках Глинки были, по большому счёту, выражением скрытых в её подсознании собственных «болевых точек». Они выдавали, сколь сильно в ней продолжало жить нерастраченное материнское чувство, потребность любить, заботиться, опекать, подсказывать и оберегать. «Потакая» Глинке, она видела его взрослым ребёнком, сроднившимся в её воспоминаниях и с умершей дочерью, и с так скоро промелькнувшей сердечной привязанностью к Д. Стасову.

Л. Кармалина, вспоминая о сестре Глинки, с чисто женской наблюдательностью замечала: «Людмила Ивановна, кроме того, что была нежная сестра, заботилась о М. И., как мать о своём ребёнке... Сколько женского такта, деликатности, чтобы уберечь его во время болезни, часто повторяющейся, и охранить от разных столкновений, которые, по нервноности М. И., действовали на него сильнее, чем на кого-либо другого. Я, право, редко встречала другую такую нежную сестру и чудную женщину»²⁵.

Спору нет: Глинка имел непростой характер. Был капризен, чудаковат, мнительен. Но в то же время — отходчив, добр, мог расчувствоваться до слёз, любил посмеяться, в хорошие моменты жизни охотно общался с приятелями. Конечно, с годами многое менялось. Энергетика бодрого настроения постепенно иссякала.

²⁴ См.: Раку М. Г. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи: механизмы «редукции» классического наследия. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 454.

²⁵ Глинка в воспоминаниях современников... С. 288.

Однако будь Глинка столь неприспособлен к жизни, апатичен, зависим, как вспоминалось это сестре, превращайся он действительно в того неповоротливого «прожорливого брюхана», о котором писал сам, ему не удалось бы совершить множество тех поступков, которыми были отмечены последние годы его жизни в России.

Между тем, едва приехав, первое, что сделал Глинка, — вернулся к прежнему кругу общения, собрав на царскосельской даче своих приятелей А. Львова, В. Энгельгардта, И. Шестакова, А. Серова, Д. Стасова, К. Вильбоа, П. Рындина с супругой. Благо, повод для этого имелся — день рождения и именины композитора. Шестакова в статье упоминала о приехавших в те дни, но умалчивала о том, что шумные встречи у Глинки этим не ограничились.

Глинка встречался с М. Кржисевич, А. Билибиной, Г. Ломакиным, В. Кологривовым, С. Левицким, Ф. Буслаевым, О. Гунке, Ф. Стелловским, В. Василько-Петровым, А. Лоди, П. Степановым, А. Керн, братьями Стасовыми, М. Балакиревым, общался с М. Геденовым, застав последние месяцы его жизни [6; 7]. Он возобновил занятия по скрипке, музицировал вместе с А. Серовым, диктовал свою автобиографию для журнала, издаваемого Ф. Фетисом, встречался с Ф. Толстым, приступил к занятиям с Д. Леоновой, посещал музыкальные вечера В. Одоевского и Г. Волконского [8], устраивал у себя музыкальные вечера с игрою в 12 рук, участвовал в пробе с хористами в театральной школе, приглашал к себе Мауреров для исполнения бетхо-

венских трио, участвовал в подготовке концерта С. Штуцмана...

Перечень занятий композитора в этот период легко продолжить. Вряд ли подобный образ жизни можно было бы назвать затворническим, а самого Глинку — постоянно ожидающим смерти домоседом, избегающим общения с людьми. Тем более что едва оставшись «без присмотра» Шестаковой, Глинка начал задумывать новую поездку. Уже 16 сентября (1854) он жаловался в письме В. Энгельгардту: «Как волка не корми всё в лес хочет, так и мне несмотря на заботы сестры не ловко на севере»²⁶. Пройдёт всего несколько месяцев, и Глинка покинет и Санкт-Петербург, и Шестакову. Правда, при этом будет строить планы об их будущей встрече, уже за границей. Но действительно ли он намеревался их исполнить — не ясно.

Вспоминая брата, Шестакова старалась не утратить образ любимого и дорогого ей члена семьи. Но этот образ, такой, каким он был представлен сестрой, не во всём совпадал с тем, каковым в реальности был в поздние годы жизни Глинка. Идя навстречу её ожиданиям, он, конечно, мог позволить себе выглядеть слабым, уставшим, страдающим, зная, что она, искренне ему сопереживая, будет остро воспринимать все его жалобы и эмоционально реагировать на них. Но, судя по всему, в период, о котором вспоминала Шестакова, самоощущение и самопрезентация Глинки не совпадали друг с другом. Собственно говоря, так было всегда. Но никогда не проявлялось так явно. Дилемму «быть или казаться» он однозначно решал в то время в пользу

²⁶ Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие. В 2 т. Т. 1: Автобиографические и творческие материалы. Л.; М.: Музгиз, 1952. С. 496.

«быть», оставляя на долю «кажущегося» слова и стелания, «позволяя» открыть себя в такой своей ипостаси человеку, не просто готовому выслушать и посочувствовать, а постоянно настроенному на ожидание такой возможности, пусть даже не всегда веря в обоснованность высказывавшихся жалоб.

В известном смысле это была «игра характеров» и семейные традиции, правила которых были хорошо известны бра-

ту и сестре как близким родственникам, но вряд ли адекватно воспринимались сторонними наблюдателями, с насмешкой, недоумением «разглядывавшими» барствующего, часто хандрящего Глинку, строя на сей счёт самые разнообразные предположения.

Оттого-то Глинка — при всех своих порывах к самостоятельности и свободе — так доверял сестре и ценил её присутствие. Особенно в конце своей жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kizin M. M. Creativity of Russian Composer Mikhail Glinka in the Context of National Cultural Traditions // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Vol. 24, Issue 5, pp. 4076–4082. DOI: 10.37200/IJPR/V24I5/PR2020118
2. Babenko O. V. Genius of the Pushkin Era: Touches to the Portrait of M. I. Glinka // The Scientific Heritage. 2021. No. 73, pp. 43–47. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-73-4-43-47
3. Бабенко О. В. Судьбы наследия М. И. Глинки в исторической ретроспективе // Sciences of Europe. 2021. № 66. С. 32–35. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-66-3-32-35
4. Тимченко-Быхун И. А. «Первоначальная полька» М. Глинки: автобиографические реминисценции // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2021. № 1–2. С. 14–19. DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-14-19
5. Лащенко С. К. Глинка и Штерич // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22, вып. 4 (1). С. 311–324. DOI: 10.25991/VRHGA.2022.23.4.030
6. Лащенко С. К. «...Отношения без всяких видов» (М. И. Глинка и Гедеоновы) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, вып. 2. С. 308–321. DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.029
7. Лащенко С. К. «Отношения без всяких видов» (М. И. Глинка и Гедеоновы). Статья 2 // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2019. Т. 20, вып. 3. С. 314–325. DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.060
8. Лащенко С. К. Путешествующий дилетант и ««каменный» князь» (М. И. Глинка и Волконские). Статья 1 // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2019. Т. 20, вып. 4. С. 411–419. DOI: 10.25991/VRHGA.2020.20.4.034

Информация об авторе:

С. К. Лащенко — доктор искусствоведения, заведующая Сектором истории музыки Государственного института искусствознания; руководитель научного проекта Отдела сопровождения научных проектов Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского.

References

1. Kizin M. M. Creativity of Russian Composer Mikhail Glinka in the Context of National Cultural Traditions. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 2020. Vol. 24, Issue 5, pp. 4076–4082. DOI: 10.37200/IJPR/V24I5/PR2020118
2. Babenko O. V. Genius of the Pushkin Era: Touches to the Portrait of M. I. Glinka. *The Scientific Heritage*. 2021. No. 73, pp. 43–47. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-73-4-43-47
3. Babenko O. V. Fate of the Heritage of M. I. Glinka in Historical Retrospect. *Sciences of Europe*. 2021. No. 66, pp. 32–35. (In Russ.) DOI: 10.24412/3162-2364-2021-66-3-32-35
4. Tymchenko-Bykhun I. A. “The Original Polka” by M. Glinka: Autobiographical Reminiscences. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2021. No. 1–2, pp. 14–19. (In Russ.) DOI: 10.29013/AJH-21-1.2-14-19
5. Lashchenko S. K. Glinka and Shterich. *Review of the Russian Christian Academy for Humanities*. 2021. Vol. 22, Issue 4(1), pp. 311–324. (In Russ.) DOI: 10.25991/VRHGA.2022.23.4.030
6. Lashchenko S. K. “...Relationships Without Any Species...” (M. I. Glinka and Gideonovy). *Review of the Russian Christian Academy for Humanities*. 2019. Vol. 20, Issue 2, pp. 308–321. (In Russ.) DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.029
7. Lashchenko S. K. “...Relationships Without Any Species...” (M. I. Glinka and Gideonovy). Article 2. *Review of the Russian Christian Academy for Humanities*. 2019. Vol. 20, Issue 3, pp. 314–325. (In Russ.) DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.060
8. Lashchenko S. K. The Traveling Amateur and “The ‘Stone’ Prince”. Article 1. *Review of the Russian Christian Academy for Humanities*. 2019. Vol. 20, Issue 4, pp. 411–419. (In Russ.) DOI: 10.25991/VRHGA.2020.20.4.034

Information about the author:

Svetlana K. Lashchenko — Dr.Sci (Arts), Head of the Music History Sector of the State Institute of Art Studies; Head of the Scientific Project of the Department of Support of Scientific Projects of the Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Поступила в редакцию / Received: 18.10.2023

Одобрена после рецензирования / Revised: 07.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 10.11.2023